

**WILHELM VON HUMBOLDT
AND LANGUAGE AS THE «LIVE
KNOWLEDGE»**

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Some statements made by W. von Humboldt about the language and the word meaning are considered. Some ideas of scientists further developing his ideas are presented together with the latest results of brain activity investigation, supporting the Humboldt's ideas of a perceptual basis of the language and the word meaning.

Keywords: perceptual foundation of language, word meaning, "live knowledge".

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

**ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ И ЯЗЫК
КАК «ЖИВОЕ ЗНАНИЕ»**

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Обсуждаются некоторые высказывания В. фон Гумбольдта о языке и значении слова. Приводятся высказывания ряда учёных, развивающих идеи Гумбольдта, и результаты новейших исследований мозговой деятельности человека, подтверждающие правомерность суждений Гумбольдта о чувственной базе языка и значения слова.

Ключевые слова: чувственная база языка, значение слова, «живое» знание.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1487>

Вводные замечания

«Никакое мышление, даже чистейшее, не может существовать иначе, чем в общепринятых формах нашей чувственности; только в них мы можем воспринимать и запечатлевать его» [Гумбольдт, 1984: 301].

Научное наследие Вильгельма фон Гумбольдта чрезвычайно объёмно и многогранно. Представители многих областей науки о человеке находят в его трудах ценные теоретические положения и рекомендации относительно практического применения принципов анализа языковых явлений. К сожалению, нередко приходится сталкиваться с тем, что молодые исследователи языка судят об идеях Гумбольдта не по первоисточникам, а по критическим статьям, написанным десятки лет тому назад и выполненным в русле соответствующих научных парадигм. Поэтому представляется актуальным обратить внимание на то, что только теперь можно оценить некоторые высказывания Гумбольдта как отвечающие современным представлениям о языке как «живом знании», а его трактовку специфики значения слова – подкрепить новейшими данными из области науки о мозге.

**В. фон Гумбольдт
о языке и слове**

Прежде всего обратим внимание на то, что Гумбольдт акцентировал недопустимость абсолютизации какого-

либо теоретического положения, принятия его в качестве истины в последней инстанции и распространения за пределы допустимых границ, ср.:

Трактовка Гумбольдом жизненности языка особенно ярко проявляется в его учении о слове. «Слово, действительно, есть знак, в той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека; он, действительно, основан на условности, поскольку все члены одной общности понимают друг друга, но отдельные слова возникают прежде всего из природного чувства говорящего и понимаются через подобные им природные чувства слуша-

ющего...» [цит. раб.: 304]. Тем самым разграничены функции слова (в данном случае – знаковая функция) и то, благодаря чему такие функции могут выполняться, т.е. *лежащие за словом чувственные корни значения слова*. Более того, уточняется, что слово отличается от других «сущностей» и по *способу построения*, и по *действию*. Фактически, имплицитно признано то, что речь идёт не о языке «вообще» (как научной абстракции), а о *языке как достоянии пользующегося языком человека*. Заметим также, что прослеживается и постулирование *двойной жизни значения слова*: с одной стороны, значения обусловлены «договором», поскольку все члены некоторой общности должны понимать друг друга (в современных терминах – иметь разделяемое с другими членами общности знание); с другой стороны

– значение слова служит «мостиком» между «миром внешних явлений и внутренним миром человека», а последнее не может не быть связанным с чувственным миром и обусловленным им (ср. также высказывание Гумбольдта, приведённое в качестве эпиграфа к этой статье). Именно поэтому в значении слов Гумбольдт видит сочетание *неопределённости* (слово должно выражать нечто обобщённое) и *чувственной живости*. Снятию неопределённости способствует опора на формальные признаки слова: «Значение же по своей природе является неопределённым и на каждом шагу нуждается в руководстве со стороны формы; будучи оторванным от последней, оно никак не может гарантировать правильность его распознавания. Ведь значение корня как такового, будучи обязанным включать в себя значения всех производных слов, естественно, должно быть общим, а тем самым – неопределённым» [5: 352].

Чувственная живость языка сопровождается сочетанием с *логическим упорядочением* и *игрой воображения*: «... хотя, с одной стороны, ... соединения слов обнаруживают чувство логического упорядочения, всё же чаще в них сказывается деятельность живой силы воображения...» [4: 294]. Чрезвычайно актуальным представляется указание Гумбольдта на то, что нельзя отождествлять общее понятие «обозначение» и то, как оно реализуется в ситуации функционирования слова у человека: «Слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и ещё в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается *способностью представлять вещь с разных точек зрения и различными путями*, от простого обозначения – тем, что имеет *свой собственный определённый чувственный образ*. Тот, кто произносит слово *Wolke*, не думает ни о дефиниции, ни о конкретном изображении этого природного объекта. Все его разнообразные понятия и образы, все ощущения, возникающие при виде этого предмета, наконец, всё, что внутри и вне нас с ним связано, может представиться духу, не рискуя при

этом быть смешанным с чем-либо, так как скреплено одним-единственным звуком. Это звук даёт при этом ещё нечто большее, вызывая то одни, то другие из связываемых с ним некогда ощущений...» [цит. раб.: 305].

Неоднократно возвращаясь к мысли о том, что *слово – не «пустой субстрат», но «чувственная форма»*, Гумбольдт указывает на важность учёта *национально-культурной специфики значений слов в разных языках*: «... далеко не безразличен конкретный вид этой чувственной формы, немислимой без того действия, которое она производит разнообразными описываемыми способами, и есть основания полагать, что слова различных языков, обозначающие даже самые конкретные предметы, не являются полными синонимами... Это ещё более верно там, где речь идёт о неконкретных предметах, когда слово достигает гораздо большей значимости, удаляясь более, чем в случае конкретного предмета, от обычного понятия знака. Мысли и чувства имеют соответственно ещё менее определённые очертания, могут быть многосторонними, представляемыми в большем числе чувственных образов, которые в свою очередь вызывают особые ощущения. Среди такого рода слов, также и в том случае, когда они обозначают понятия полностью определённые, ещё в меньшей степени возможно указать равнозначные» [цит. раб.: 306].

Следует подчеркнуть, что это совершенно справедливое замечание Гумбольдта до сих пор игнорируется теми, кто при исследовании лексики (в том числе при межъязыковых / межкультурных сопоставлениях или в связи с анализом переводов) говорит о словах–эквивалентах, хотя на самом деле речь может идти только о словах–коррелятах в разных языках. Многолетний опыт экспериментальных исследований в области лексики также свидетельствует о расхождениях в том, что лежит за казальсь бы одним и тем же словом даже для носителей одного и того же языка; более того, с течением времени значение слова может претерпевать определённые изменения, и даже при сохранении значения слова может происходить некоторый «сдвиг» в тех эмоционально-оце-

ночных переживаниях, которые непроизвольно увязываются со словом (см. подробно: [7–9; 16]).

Идеи В. фон Гумбольдта в более поздних исследованиях

Представляется важным отметить, что отмеченные особенности учения Гумбольдта о языке и слове нашли отражение и дальнейшее развитие в трудах российских языковедов и психологов. Так, по мнению А.А. Потебни, «... какой бы отвлечённости и глубины ни достигала наша мысль, она не отделяется от необходимости возвращаться, как бы для освежения, к исходной точке, представлению» [14: 198], т.е. к чувственным корням значения слова. Потебня неоднократно предостерегал против отождествления научных абстракций и реальной жизни языка: «... пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [цит. раб.: 465–466]. Ф.Ф. Фортунатов фокусировался на выходе посредством слова не на осмысление языковых форм, а на то, что за ними лежит: «Ясно, что слова для нашего мышления являются известными знаками, так как, представляя себе в процессе мысли те или другие слова, следовательно, те или другие звуковые комплексы, являющиеся в данном языке словами, мы думаем при этом не о звуках речи, а о другом при помощи представлений звуков речи как представителей знаков для мысли» [15: 313].

И.А. Бодуэн де Куртэнэ отстаивал мнение, согласно которому «Нужно различать категории языковедения от категорий языка: первые представляют чистые отвлечения; вторые же – то, что живет в языке...», он указывал, что «категории языка суть также категории языковедения, но категории, основанные на чутье языка народом и вообще на объективных условиях бессознательной жизни человеческого организма, между тем как категории языковедения в строгом смысле суть по преимуществу абстракции» [1: 60]. Представляется важным

особо подчеркнуть значимость указания Бодуэна де Куртенэ на то, что одна из задач семасиологии – исследование психического содержания языковых явлений, т.е. представлений, связанных с языком и движущихся в его формах, но имеющих независимое бытие как отражения «внешнего и внутреннего мира в человеческой душе за пределами языковых форм» [цит. раб.: 214]. По мнению Н.В. Крушевского, «язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно-психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка» [11: 406], а слово «соединяется в такую неразрывную пару с представлением о вещи, что становится ... полным её знаком, приобретает способность возбуждать представление о вещи со всеми её признаками» [цит. раб.: 430].

Л.С. Выготский: указывал, что «Знак возникает в результате сложного процесса развития... Для того, чтобы быть знаком вещи, слово должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта. ... То, что возникает к началу образования речи у ребёнка, есть не открытие, что каждая вещь имеет свое имя, а новый способ обращения с вещами, именно их название» [2: 14–15]. Он дал обоснование того, что значение «живого» слова выполняет важнейшие функции воплощения мысли в речь, увязано со спонтанным (житейским) понятием; имеет опору в свойствах именуемого объекта; поддерживается практическим интеллектом; лежит в основе знаковой операции; является продуктом перехода от интерпсихического к интрапсихическому. Аналогично этому, Н.И. Жинкин полгал, что «Смысл ... начинает формироваться до языка и речи. Надо видеть вещи, двигаться среди них, слушать, осязать – словом, накапливать в памяти всю сенсорную информацию, которая поступает в анализаторы. Только в этих условиях принимаемая слухом речь с самого начала обрабатывается как знаковая система и интегрируется в акте семиозиса» [6: 83]; смысл обладает предметностью, цельностью и наглядностью [цит. раб.: 81]. Жинкин также

неоднократно указывал на постоянное взаимодействие сенсорики и интеллекта, между которыми невозможно провести чёткую границу, при этом «Надо понимать не речь, а действительность» [цит. раб.: 92].

Фундаментальность чувственной предметности значения слова обосновал А.Н. Леонтьев, показавший, что значения, функционирующие у пользующегося языком человека, обеспечивают возвращение к чувственной предметности образа мира. В этой связи закономерен риторический вопрос: «Но как могли бы мы мыслить это мир, если бы он первоначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности?» [13: 140]. Но важно «различать познаваемое объективное значение и его значение для субъекта» [цит. раб.: 145]. Ту же линию рассуждений продолжает А.А. Леонтьев: «Как только мы переходим к значению как субъективному содержанию знака, оказывается, что его бытие в деятельности и его презентированность в сознании индивида неразрывно связаны с его предметной (чувственно-предметной) отнесённостью» [12: 322]. Ему же принадлежит дальнейшее развитие учения А.Н. Леонтьева о двойственной онтологии значений, одной стороной обращённых к обществу, а другой – к индивиду.

Приведём также примеры того, как результаты современных исследований в области мозговой активности в принципе подтверждают развиваемые Гумбольдтом представления о чувственной основе значения слова. В книге Э. Голдберга [3] показано, что принцип, по которому когнитивные функции распределены по коре, является градуированным и непрерывным; репрезентация каждой категории вещей распределяется в соответствии с её различными сенсорными компонентами: зрительными, тактильными, звуковыми и т.д.; большинство репрезентаций вещей и событий включают многие сенсорные модальности; имеются основания предположить, что корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов, а корковое представление слов действия тесно связано с корковым

представлением самих действий; обший вывод гласит: различные аспекты значения слова распределены в тесной связи с теми аспектами физической реальности, которые они обозначают. В сообщении под названием «Традиционные представления о восприятии языка неверны» [<http://www.hse.ru/news/science/121456242.html>] фактически говорится о том же: «... в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные ещё из классических работ неврологов XIX столетия <...>, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность». Там же сделан вывод. «Способность понимать слова и их смысл коренится в биологии, а именно непосредственно в восприятиях и действиях, связанных с этими словами. Когда ребёнок узнаёт новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. <...>; формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, <...>. Эта сеть и становится мозговым представителем того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает». Более подробно см.: [10; 16].

Заключение

Вильгельм фон Гумбольдт был выдающимся светилом мировой науки (философии, филологии, культурологии, языковедения и др.). Вдумчивое изучение его трудов необходимо любому представителю интегративной науки о живом человеке, взращённом в определённой культуре и включённом в постоянные взаимодействия с естественным и социальным окружением, последнее из которых становится всё более осложнённым межкультурными контактами. Главным в научном наследии Гумбольдта представляется то, что имплицитно его учением о манифестируемом языке духе народа: успешность выживания обитателей планеты Земля зависит от по-

нимания и уважения специфичных для каждого народа и всегда эмоционально-оценочных переживаемых чувственных и духовных комплексов (веками сложившихся в лингвокультуре образов, стереотипов, верований, моделей поведения в типовых ситуациях и т.п.).

References:

1. Bodujen de Kurtenje I.A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [Selected works on general linguistics]. - Moskva., Publishing AN SSSR, 1963. Vol. 1., pp. 203–221.
2. Vygotskij L.S. Orudie i znak v razvitii rebjonka. [Tool and sign in the development of a child]., Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6-i t. V. 6. [Collected Works: in 6 vol. Vol. 6]., pp. 5–90.
3. Goldberg Je. Upravljajushhij mozg, per. s angl. [The managing brain, translated from English]. – Moskva., 2003. 335 p.
4. Gumboldt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on linguistics]. - Moskva., Progress, 1984. - 398 p.
5. Gumboldt V. fon. Jazyk i filosofija kul'tury., per. s nem. [Language and Philosophy of culture, translated from German]. - Moskva., Progress, 1985. - 452 p.
6. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as conductor of information]. - Moskva, Science, 1982. - 157 p.
7. Zalevskaia A.A. Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta: monografija [The word meaning through the prism of an experiment: monograph]. – Tver', Tver. gos. un-t [Tver State University], 2011. - 240 p.
8. Zalevskaia A.A. Dvojnaja zhizn' znachenija slova. Teoreticheskoe i jeksperimental'noe issledovanie: monografija [The double life of the word meaning. Theoretical and experimental research: monograph]. - Saarbrücken., Palmarium Academic Publishing, 2012. - 274 p.
9. Zalevskaia A.A. Chto tam – za slovom? Voprosy interfejsnoj teorii znachenija slova: monografija [What is there behind the word? Questions of the interface theory of the word meaning: monograph]. - Moskva.-Berlin., Direkt-Media. 2014. - 224 p.
10. Zalevskaia A.A. Znachenie slova v prostranstve mozga, tela i okruzenija cheloveka., Slovo i tekst: psiholingvisticheskie issledovaniia [The word meaning in the space of the brain, the body and the human environment. Word and text: psycholinguistic research] – Tver', Tver. gos. un-t [Tver State University], 2014., pp. 31–35.
11. Krushevskij N.V. Ocherk nauki o jazyke., Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija., pod red. F.P. Filina [Essay about the language science., Chrestomathy on the history of Russian linguistics, edited by F.P. Filin]. - Moskva., Vysshaja shkola [High School], 1973b., pp. 417–433.
12. Leont'ev A.A. Dejatel'nyj um (Dejatel'nost'. Znak. Lichnost') [Active mind (Activity. Sign. Personality)]. – Moskva., Sense, 2001. - 392 p.
13. Leont'ev A.N. Problemy razvitija psihiki [Problems of development of the psyche] 3rd ed. – Moskva., Moscow University Press, 1972. - 575 p.
14. Potebnja A.A. Jestetika i pojetika [Aesthetics and Poetics] - Moskva, Iskusstvo [Art], 1976. - 614 p.
15. Fortunatov F.F. Sravnitel'noe jazykovedenie., Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija., pod red. F.P. Filina [Comparative linguistics. Chrestomathy on the history of Russian linguistics, edited by F.P. Filin]. - Moskva., High School, 1973, pp. 308–339.
16. Zalevskaia A. Interfacial Theory of Word meaning: Psycholinguistic Approach. - London, UK., IASHE, 2014. - 180 p.
17. Zalevskaia A.A. Znachenie slova v prostranstve mozga, tela i okruzenija cheloveka., Slovo i tekst: psiholingvisticheskie issledovaniia. – Tver', Tver. gos. un-t, 2014., С. 31–35.
18. Potebnja A.A. Estetika i poetika - Moskva., Iskusstvo, 1976. - 614 p.
19. Fortunatov F.F. Sravnitel'noe jazykovedenie., Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija., pod red. F.P. Filina. - Moskva., Vysshaja shkola, 1973b., С. 417–433.
20. Leont'ev A.A. Dejatel'nyj um (Dejatel'nost'. Znak. Lichnost'). - Moskva., Smysl, 2001. - 392 s.
21. Leont'ev A.N. Problemy razvitija psihiki. 3-e izd. - Moskva., Izd-vo MGU, 1972. 575 s.
22. Potebnja A.A. Estetika i poetika - Moskva., Iskusstvo, 1976. - 614 p.
23. Fortunatov F.F. Sravnitel'noe jazykovedenie., Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija., pod red. F.P. Filina. - Moskva., Vysshaja shkola, 1973., С. 308–339.
24. Zalevskaia A. Interfacial Theory of Word meaning: Psycholinguistic Approach. - London, UK., IASHE, 2014. - 180 p.

Литература:

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - Москва., Изд-во АН СССР, 1963. Т.1., С. 203–221.
2. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребёнка, Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-и т. Т. 6., С. 5–90.
3. Голдберг Э. Управляющий мозг, пер. с англ. - Москва., 2003. 335 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избран-

Information about author:

1. Alexandra Zalevskaia - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru